

Эколого-экономические последствия COVID-19 в России и в глобальном мире

Сергей Н. Бобылев¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 199911, Россия*

Получено 6 April 2020 ♦ Принято в печать 15 April 2020 ♦ Опубликовано 23 April 2020

Цитирование: Bobylev SN (2020) Environmental consequences of COVID-19 on the global and Russian economics Population and Economics 4(2): 43–48. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53279>

Аннотация

В статье последствия COVID-19 для экологии дифференцируются на три группы: отрицательные, положительные и неоднозначно интерпретируемые. В течение ближайших лет можно ожидать ослабления внимания государства, бизнеса и населения к экологическим проблемам, уменьшения экологически ориентированных затрат, перенаправления денежных потоков на поддержание или предотвращение значительного падения материального уровня жизни. Среди условно положительных последствий COVID-19 и сопряженного с ним экономического кризиса можно выделить краткосрочное снижение экологического воздействия, осознание все более настоятельной необходимости скорейшей смены экспортно-сырьевой модели, требование международной координации.

Ключевые слова

COVID-19, экология, уровень жизни, экономический кризис, индивидуализация потребления, загрязнение, туризм

Коды JEL: O1, Q01, Q50, Q58

Довольно сложно оценить воздействие COVID-19 на экологию, поскольку здесь переплетается большое количество проблем, тенденции развития которых непросто прогнозировать. Попробуем провести такой анализ, включая экономические аспекты. Разделим все последствия COVID-19 для экологии на три группы: отрицательные, положительные и неоднозначно интерпретируемые.

Отрицательные последствия для экологии

Для оценки отрицательных последствий рассмотрим поведение потребителей. Здесь можно говорить об анализе показателя «качество жизни», который включает в себя

три компонента: материальную (доходы, зарплата и т.д.); социальную (образование, здоровье и т.д.); экологическую (чистая окружающая среда, экологически чистые продукты, чистая вода, рекреация, наслаждение красивой природой и пр.). При достижении определенного уровня доходов растут требования к сбалансированности всех трех компонент, экологическому фактору жизни (кривая Кузнецца [Бобылев, 2017]). Очевидно, что экономический кризис, связанный с COVID-19, нанесет мощный удар по материальному благосостоянию: снижение производства или закрытие предприятий и организаций в государственном и частном секторах приведет к падению доходов, росту долгов, проблемам с ипотекой, увеличению безработицы и т.д. Все это отрицательно скажется на поведении потребителей по отношению к экологическим параметрам качества жизни. Оказавшись в ситуации дефицита денежных средств население не будет думать о приобретении более дорогих экологически чистых продуктов питания и воды, покупке/аренде жилья в экологически чистых районах (например, в Москве разница в цене жилья/аренды между чистыми западными и юго-западными районами, с одной стороны, и экологически неблагополучными юго-восточными районами – с другой, может достигать 20–30%) и пр. То есть в ближайшие годы проявится тенденция минимизации требований населения к экологической компоненте качества жизни, что приведет к уменьшению объемов продаж на различных рынках с существенными экологическими акцентами.

Видимо, может произойти и своеобразная «индивидуализация» потребителей. Этого можно ожидать, например, в транспортной сфере. Такие экологически благоприятные явления, как увеличение роли общественного транспорта, рост совместного пользования автомобилями, наращивание парка электромобилей, могут столкнуться с препятствиями в виде опасений населения заразиться COVID-19 и различными вирусными аналогами в случае эпидемий или значительного распространения заболеваемости. С транспортным загрязнением может быть связано и стремление обедневшего населения пользоваться собственными автомобилями с неэкологичным бензиновым двигателем, увеличение доли в автомобильном парке поддержанных и устаревших автомобилей. Также можно ожидать сокращения посещений общественной сети питания (рестораны, кафе и т.д.) из-за эпидемиологических опасений, что, впрочем, может сопровождаться ростом объемов домашнего питания и заказов доставки продовольствия из тех же сетей общественного питания и магазинов.

Рост бедности может привести к росту правовых нарушений в экологической сфере. Если не хватает средств на поддержание даже невысокого уровня жизни, питание, то возрастет браконьерство, нелегальная охота, лов рыбы, вырубка деревьев.

Тенденция снижения экологических расходов в ближайшие годы будет наблюдаться и у государства, и у значительной части бизнеса. Государству станет не до экологических проектов, основные расходы придется направить на поддержание доходов населения и борьбу с безработицей через зарплаты, пенсии, пособия, поэтому национальный проект «Экология» будет реализован лишь частично. Аналогичную политику экологического игнорирования станут проводить многие частные организации для поддержания на плаву, особенно работающие на внутреннее потребление и спрос. (Для экспортно-ориентированных компаний экологические приоритеты сохраняются.)

Необходимо отметить, что в зоне риска окажется масштабная технологическая реформа экономики России, своеобразная технологическая революция, связанная с

наилучшими доступными технологиями (НДТ) и начатая 1 января 2019 г. [Скобелев, 2019]. Внедрение НДТ должно значительно снизить негативное воздействие на экологию в стране. Однако теперь бизнес, который и раньше не приветствовал эту реформу, станет еще больше противиться технологическим преобразованиям с экологическими приоритетами, вполне рационально объясняя такое поведение кризисом, падением спроса и нехваткой средств.

По-видимому, в мире могут затормозиться процессы, связанные с переходом к экологически чистым и возобновляемым источникам энергии. Падение цен на традиционные энергоресурсы (нефть, газ), чему также способствовал COVID-19, кризис и рецессия мировой экономики объективно поддерживают сохранение прежних способов экономической деятельности. В условиях огромных затрат государств на борьбу с COVID-19, повсеместным увеличением дефицита государственных бюджетов можно также прогнозировать снижение внимания к переходу к устойчивому развитию, реализации Целей устойчивого развития ООН, борьбе с изменением климата в большинстве стран мира.

Таким образом, в целом в течение ближайших лет можно ожидать ослабления интереса государства, бизнеса и населения к экологическим проблемам, уменьшения экологически ориентированных затрат, перенаправления денежных потоков на поддержание или предотвращение значительного падения материального уровня жизни. Будем надеяться, что это не продлится долго, и спустя несколько лет экологическая проблематика будет более значимой для страны и мира.

Положительные последствия

К долгосрочным последствиям можно отнести новое ментальное осознание места человека на Земле. Ощущение могущества нашей цивилизации, власти над природой разбито COVID-19. Вспомнилось и появилось много теорий о Гее, Земле как живом существе. И COVID-19 — это просто «иммунный ответ» на те экологические ужасы, которые порождает человек. Стало ясно, что ежегодно производимые экономикой десятки тысяч сложнейших химических и биотехнологических соединений, их часто непредсказуемый синергетический эффект, полный спектр вредных экологических загрязнений и уничтожение природы приводят к негативным последствиям, которые не могут быть адекватно прогнозируемы человеком, а соответственно, и бороться с ними человек не научился и не сможет. COVID-19 эту слабость продемонстрировал. Наша, как оказалось, слабая и неустойчивая цивилизация должна вписаться в экологическую емкость биосферы и не превышать ее, как это происходило последние 20–30 лет.

Среди условно положительных последствий COVID-19 и сопряженного с ним экономического кризиса можно назвать, пожалуй, главное для нашей страны: очевидная необходимость скорейшей смены экономической модели, поскольку «так жить больше нельзя». Об этом лица, принимающие решения, сами говорят уже лет 10–12. Очевидна тупикивость и неустойчивость сложившейся антиэкологичной экспортно-сырьевой модели, базирующейся на деградации и истощении природного капитала страны, высоком загрязнении. Однако модель так и не меняется. Это хорошо показало влияние рухнувших в марте 2020 г. нефтяных цен на падение рубля (он вошел в двойку самых просевших валют мира) со всеми ожидаемыми тяжелыми

последствиями для населения и экономики. О том, что надо слезть с нефтяной иглы, говорится давно, но иллюзии (якобы усиление сырьевой направленности экономики) или недостаток политической воли сохраняют *status quo*. По оценкам Правительства РФ, Фонда национального благосостояния в условиях низких энергетических цен хватит на 2–3 года. Если модель развития не менять, то последствия следующего кризиса для страны могут быть тяжелейшими.

Что делать — достаточно ясно, эти тезисы неоднократно высказывались и лицами, принимающими решения, и научным сообществом: диверсификация, модернизация, инновации, развитие наукоемких и высокотехнологичных видов деятельности с высокой добавленной стоимостью, переход к экологически устойчивой модели экономики. С точки зрения идеологии и концепции, на наш взгляд, удачной являлась старая Концепция долгосрочного развития страны (2008) при всей фантастичности принятых в ней целевых индикаторов. Как бы ни называлась новая модель – цифровая экономика, экономика знаний, устойчивая экономика, индустрия 4.0 и т.д., очевидно, что новая экономика будет иметь гораздо меньшее экологическое воздействие по сравнению с современной сырьевой моделью.

К положительным экологическим последствиям следует отнести вероятное снижение объема загрязнений в ближайшие годы. Экономический кризис, ограничение или закрытие предприятий, уменьшение транспортной активности из-за высоких цен на бензин в условиях падения спроса и жизненного уровня могут улучшить состояние окружающей среды. Такую ситуацию наша страна пережила в 1990-е гг. В то же время вероятен «грязный» подъем экономики, когда во время пандемии многие области услуг, наукоемкой и инфраструктурной деятельности сократятся в масштабах или разорятся, а выживут достаточно загрязняющие виды деятельности. Этот путь «примитивизации» наша страна также проходила в 1990-е и 2000-е гг.

Несомненным экологическим благом для страны и всей планеты может стать отказ от рискованных энергетических проектов в Арктике, на территориях с вечной мерзлотой. Незатронутые хозяйственной деятельностью огромные регионы нашей страны являются важным стабилизатором устойчивости биосферы планеты. При низких ценах на нефть, трансформации энергетического рынка в рынок покупателя в условиях избытка предложения традиционных энергоносителей было бы экономической авантюрой вкладывать гигантские инвестиции в новые регионы с огромной себестоимостью добычи. Уже сейчас до половины (!) всех энергоресурсов можно сэкономить за счет применения достаточно простых и дешевых технологий, что признается даже в государственных программах.

На несколько ближайших лет красивые природные достопримечательности перестанут подвергаться избыточным нагрузкам, поскольку туристические потоки явно ослабеют из-за снижения доходов, боязни оказаться на карантине в чужой стране. Очистившиеся воды венецианских каналов нам показывают по телевизору регулярно. Туристический пресс (появился даже специальный термин «сверхтуризм») привел к деградации огромного числа прекрасных мест на нашей планете [Александрова, 2018]. Внешний признак такого прессы — десятки миллионов китайских туристов по всему миру, внезапно оказавшихся в среднем классе в результате резкого роста доходов и сформировавших новые гигантские туристические потоки. По имеющимся оценкам, китайцы тратят за границей ежегодно около 400 млрд долл. Туристы нашей страны также «постарались»: деградировавший ареал Байкала и его мировая жемчужина остров Ольхон тому частные свидетельства. В эпоху «после COVID» миру не-

обходимо придумывать новые экономические и административные механизмы для ограничения «сверхтуризма».

К положительным экологическим моментам сокращения туристических потоков можно отнести и уменьшение количества авиаперелетов. Со снижением экологического воздействия, количества разнообразных отходов и загрязнений в местах туристических достопримечательностей может быть связано и сокращение числа гостиниц, сферы обслуживания и питания, транспортных поездок и т.д. К уменьшению загрязнения в городах может привести и увеличение сегмента онлайн-занятости, удаленной работы вне офисов, на дому и т.д. Сокращение поездок, особенно личного автотранспорта, также имеет благоприятные экологические последствия.

Многие из современных экологических проблем являются глобальными: изменение климата, трансграничные загрязнения, загрязнения морей и океанов, уничтожение биоразнообразия и т.д. Эпидемия COVID-19 еще раз показала важность объединения и координации международных усилий для решения глобальных проблем.

Неоднозначные экологические последствия

Многие экологические последствия COVID-19 сложно однозначно интерпретировать. Попробуем проанализировать с экологических позиций достаточно явную тенденцию увеличения значимости раздельного проживания людей, которая связана с упоминавшимся выше трендом «индивидуализации». Человек, проживающий с семьей в пентхаусе в дорогом Москва-Сити, в условиях эпидемии COVID-19 имеет гораздо более высокие риски заболеть по сравнению с жителем жилья среднего качества, но со «вторым домом» вдалеке от городов или благоустроенной дачей вблизи городской агломерации. (В число лиц с меньшим риском заражения по сравнению с городским проживанием следует отнести и постоянно живущих в пригородных коттеджах, не имеющих городской недвижимости.) Сотни тысяч, если не миллионов, человек устремились из городов из-за угрозы заражения COVID-19. К тому же сменился и сам статус «вторых домов». Так, дачи при советской власти или в 1990-е гг. были в подавляющем большинстве подсобными участками для выращивания овощей и фруктов в целях поддержки собственного потребления населением. В 2000-х гг. такая потребность снизилась, и они стали чем-то вроде рекреационной поддержки во время отпуска, для отдыха с детьми, проживания пенсионеров и т.д. Однако по мере роста благосостояния в начале 2000-х гг. и дешевого отдыха в Турции и Египте, вполне посильного для среднего класса отдыха в южноевропейских странах (Греция, Кипр, Испания, Италия) рекреационная значимость «второго дома» падала. И вдруг одновременно COVID-19 все изменил. Заграница и свои города стали опасными. Для многих дачи стали представляться островками выживания, полноценного карантина и ограничения контактов с другими людьми. В настоящее время около половины жителей крупных городов имеют дачи [Скупов, 2019], а в целом, по имеющимся оценкам, число «вторых домов» в России составляет около 60 млн [Нефедова и др., 2016]. Уже в этом году можно ожидать роста спроса на недвижимость вблизи городов, особенно мегаполисов, увеличения затрат на доведение летних дач до зимнего благоустроенного стандарта. При этом сократится привлекательность покупки недвижимости в других странах.

Однако при такой концепции «загородного дома» возможно возникновение нескольких экологических последствий. Проживание в местах с более чистым по срав-

нению с городским воздухом несомненно полезно для здоровья, но рост числа живущих на пригородных территориях может резко повысить экологическую нагрузку на такие места [Ховавко, 2020]. Мы все видим, во что превратилось при содействии горожан Подмосковье — горы мусора в самых разнообразных местах, включая леса и поля, загрязненные реки и водоемы, вытоптаные и деградировавшие леса и т.д. Нужны скоординированные действия по охране природы, в том числе экономические и правовые механизмы, со стороны властей городских и «окологородских» поселений для предотвращения экологической деградации территорий вокруг городов. В экономической теории и на практике здесь может работать все шире применяющийся в мире механизм платежей за экосистемные услуги (*payment for ecosystem services*), но это уже другая тема [Бобылев, 2019].

Выше были высказаны некоторые гипотезы относительно эколого-экономических последствий COVID-19. Очевидно, что для достоверных сценариев не хватает имеющейся информации, особенно информации о сроках и последствиях пандемии. Тем не менее очевидно, что многочисленные социально-экономические проблемы, падение жизненного уровня населения, необходимость быстрого решения сиюминутных краткосрочных проблем отодвинут экологические вопросы, многие из которых имеют характер долгосрочных угроз и рисков, на второй план. Однако по мере выхода из кризиса (или, по крайней мере, некоторой социально-экономической стабилизации) экологические вопросы встанут во всей своей остроте, и хорошо бы знать возможные ответы на них уже сейчас.

Список литературы

- Александрова А.Ю. (2018). Современные особенности пространственного развития туризма // География и туризм. 2: 12–16.
- Бобылев С. (2017). Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. 3: 107–113.
- Бобылев С.Н., Горячева А.А. (2019). Идентификация и оценка экосистемных услуг: международный контекст // Вестник международных организаций. Т. 14. 1: 225–236.
- Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.) (2016). Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: «Новый Хронограф».
- Скобелев Д.О. (2019). Экологическая промышленная политика: основные направления и принципы становления в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 4: 78–94.
- Скупов Б. (2019). А без дачи нет удачи. В защиту национального символа русской жизни. URL: <https://ardexpert.ru/article/15748> (дата обращения: 04.04.2020).
- Ховавко И.Ю. (2020). Экономический анализ «мусорных конфликтов» (на примере современной России) // Экономическая наука современной России. 1: 55–67.

Сведения об авторе

- Бобылев Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: snbobylev@yandex.ru.